

С.В. Сотникова

ОБРАЗ КОЛЕСНИЦЫ И КОЛЕСНИЧЕГО В РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ РИТУАЛА И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Статья посвящена реконструкции ритуалов и представлений, связанных с образом колесницы, коня и колесничего. Эти ритуалы получили широкое распространение в культурах эпохи бронзы евразийских степей, индоиранская принадлежность которых признается многими исследователями. Особое внимание уделяется интерпретации погребений с «колесничным» инвентарем из Синташтинского большого грунтового могильника. Эти находки свидетельствуют о существовании двух ритуалов. Один из них связан с представлениями о смерти как жертвоприношении и относится к погребению человека с «колесничным» инвентарем на дне ямы. Другой ритуал связан с колесничными состязаниями на похоронах и фиксируется в виде парных захоронений лошадей на перекрытии погребальных камер.

Ключевые слова: эпоха бронзы; памятники синташтинского типа; ритуал, колесницы; жертвоприношение.

В эпоху бронзы на территории евразийских степей в разное время сложилось несколько культурно-исторических общностей (ямная, катакомбная, срубная, андроновская), в погребениях которых зафиксированы остатки повозок, колесниц или их частей. Четырех- или двухколесная повозка, запряженная быками, а позднее боевая двухколесная колесница, запряженная конями, играли заметную роль как в жизни, так и в ритуалах и представлениях населения евразийских степей эпохи бронзы. Этническая и языковая атрибуция этих археологических культур является достаточно сложной задачей, однако многие исследователи связывают эти культурные образования с индоиранцами. Это позволяет привлечь для реконструкции ритуалов и представлений степного населения эпохи бронзы индоиранские письменные источники, прежде всего «Ригведу». Е.И. Елизаренкова и В.Н. Топоров определяют роль повозки в жизни ведийских ариев, создателей «Ригведы», следующим образом: «Они жили, скорее, на колесах, передвигаясь с места на место в сопровождении своих стад, нежели оседло, на одном постоянном месте; повозка была важнее дома, и даже не потому, что в ней они проводили столько же и даже больше времени, чем в “стационарном” доме, столько потому, что сама повозка рассматривалась как “малый” дом, “малая” родина, где все было интимно связано с человеком и все было на век: постоянной была вечно передвигающаяся повозка, переменным был неподвижный дом... Не дом и оседлость определяли образ жизни, но передвижение в повозке и его возможности» [1. С. 489–490]. Эти исследователи считают, что в «Ригведе» повозка или колесница – это не столько реалии ведийского быта, сколько сакрализованный и мифологизированный предмет [Там же. С. 490. Прим. 7].

Тяжелые четырехколесные повозки с цельными колесами засвидетельствованы в евразийских степях еще с III тыс. до н.э. на памятниках новосвободненской и новотитаровской культур Прикубанья, ямной культурно-исторической общности и сменившей ее катакомбной. В погребениях ямной культуры колеса размещались по одному и более по углам могилы на уровне перекрытия

или на дне ямы. Иногда в могилы помещались отдельные детали повозок (чаще всего колеса) или модели колеса и повозки из глины, расположение которых было аналогично. Традиция ставить в погребения целую или части повозки находит продолжение у населения катакомбной культурно-исторической общности. Они помещали ее как во входной яме катакомбы, так и в камере. Характерной чертой катакомбного ритуала являлось использование колеса в качестве заслона, закрывающего вход в камеру [2. С. 43; 3. С. 23].

Погребения ямной культуры с повозками уже неоднократно привлекали внимание исследователей. Одним из аспектов изучения данных комплексов является их социальная и идеологическая интерпретация. В.И. Кузин-Лосев высказал предположение о наличии уже в ямной культуре, где достаточно широко получил распространение обряд, сопровождавшийся помещением в погребения повозок, «комплекса представлений мифологического и обрядового свойств, отражавших данное культурное явление» [4. С. 85–86].

По мнению ряда исследователей, повозка в ямных погребениях имела знаковый характер, указывающий на неординарный статус погребенного. Е.Е. Кузьмина считает, что в таких погребениях захоронены лица, занимавшие привилегированное положение в обществе. Эти люди выполняли военные функции, «что документируется присутствием оружия. Наличие среди могил с повозками и конями, наряду с погребениями мужчин, также захоронений женщин и детей, позволяет ставить вопрос о том, что военная знать составляла особое сословие, принадлежность к которому передавалась по наследству» [5. С. 185]. С целью проверки данного положения С.В. Иванова и В.В. Цимиданов изучили 48 погребений ямной культуры с повозками и обнаружили, что лишь в одном комплексе части повозки сопровождалась предметом вооружения – дротиком (Софиевка 1/9). В то же время в других погребениях ямной культуры, не содержащих повозки, предметы вооружения встречаются. На основании этих наблюдений исследователи делают вывод, что в степной зоне, где основным занятием было скотоводство и скот был лег-

ко отчуждаемым продуктом, выделение небольшой прослойки воинов-профессионалов неэффективно. В этой ситуации воином был каждый мужчина [3. С. 23, 26, 31]. Иного мнения придерживается И.Л. Алексеева, которая считает, что комплексы с повозками свидетельствуют о «сильной жреческой власти» в ямном обществе [6. С. 22].

Наибольший интерес среди исследователей степной бронзы вызвали погребения, содержащие остатки двухколесных повозок, которые были трактованы как колесницы. Двухколесная повозка на сплошных колесах была обнаружена в катакомбном погребении в кургане «Тягунова могила» (курган 11, погребение 27) в Запорожской области. Причем среди деталей повозки было обнаружено стрекало с бронзовым четырехгранным наконечником. Н.Н. Чередниченко и С.Ж. Пустовалов рассматривают эту находку как древнейшую одноосную боевую колесницу. Они считают, что в этой могиле был захоронен воин-колесничий, принадлежавший к высшему слою военной знати [7. С. 104–106; 8. С. 213].

Несколько позже на территории Южного Зауралья и Северного Казахстана получили распространение памятники синташтинского и петровского типов, которые генетически связаны с алакульской культурой, входившей в состав андроновской культурно-исторической общности. В погребениях синташтинского и петровского населения обнаружены остатки колесниц, которые представлены, как правило, отпечатками нижней части колес со спицами. Они фиксировались на дне погребальной камеры в виде канавообразных, попарно расположенных параллельных углублений, в которых сохранились древесный тлен и отпечатки ободьев и спиц. Исследователи Синташтинского могильника, где обнаружено наибольшее число погребений с остатками колесниц, предполагают, что в могилы ставились их целые экземпляры [9. С. 165–168, 183–185 и т.д.]. Н.Б. Виноградов считает, что преобладала традиция помещения в погребальные камеры отдельных частей повозки, прежде всего колес [10. С. 265]. Он обратил внимание на то, что в некоторых погребениях количество углублений для колес не всегда соответствует реконструируемой двухколесной боевой колеснице. По его наблюдениям, на дне ямы 12 большого грунтового Синташтинского могильника находилось по меньшей мере четыре или даже пять углублений, которые возможно трактовать как углубления для колес. По две пары углублений находилось в противоположных половинах дна ямы, а последнее – ближе к середине одной из длинных сторон. Н.Б. Виноградов предполагает, что либо в яме была представлена имитация четырехколесной повозки, либо имитация двух двухколесных, но не исключено, что было вкопано и пять колес [10. С. 264–266]. Еще более убедительным является материал могильника Каменный Амбар-5, где в яме 6 кургана 2 расчищено лишь одно колесное углубление [11. С. 162]. Традиция помещения в могилы отдельных колес прослеживается и в памятниках потаповского этапа срубной культурно-исторической общности, примерно синхронных синташтинско-петровским комплексам. В захоронении

VI Утевского могильника (курган 6, погребение 4) на одной из коротких стен погребальной камеры обнаружены отгиски округлого предмета, возможно, колеса [12. С. 52].

Высказаны различные мнения о назначении и роли колесниц в погребальном обряде. Ряд исследователей считают, что это были боевые колесницы, которые непосредственно использовались в военном деле [9. С. 214–219 и др.]. Н. Бороффка полагает, что колесницы «должны рассматриваться в большей степени как предмет роскоши для демонстрации социального статуса определенной группы людей, а не как собственно средство войны или охоты» [13. С. 80]. Н.Б. Виноградов на основании изучения синташтинских комплексов приходит к заключению, что при интерпретации погребений с остатками колесниц необходимо учитывать высокую степень семиотичности погребальной обрядности. Некая престижность помещения определенным персонам в могилу деталей двухколесных повозок может являться «воспроизведением модификации объемного “макета” индоевропейского мифа о путешествии души» [10. С. 264].

Другой яркой чертой погребального ритуала синташтинского и петровского населения являются находки в погребениях с остатками колесниц парных костяков лошадей или ритуальных комплексов, состоящих из черепов и костей ног этого животного, нередко в сопровождении псалиев. Речь идет, прежде всего, о погребениях Синташтинского большого грунтового могильника. В некоторых погребениях этого могильника содержатся парные захоронения целых костяков лошадей, которые размещаются на перекрытии или в верхнем заполнении камеры. В погребении 2 на перекрытии обнаружены четыре целых конских скелета. Сначала одна туша была положена вдоль продольной стенки головой на СЗ, затем три – поперек ямы, головами на СВ. В погребении 3 на перекрытии камеры вдоль восточной стенки размещены два конских костяка головами на С. Один из них положен на левый бок, другого – на брюхо с подогнутыми ногами. В погребении 4 на перекрытии камеры располагались попарно четыре туши коней. В погребении 5 на перекрытии были размещены попарно туши шести лошадей. В западной половине ямы две лошади лежали на левом боку, головами на С, две – на левом боку, головами к Ю, в северо-восточной части ямы находилось еще две туши на правом боку. В заполнении погребения 10 поперек ямы на правом боку головами к Ю были захоронены две туши молодых коней. В погребении 12 на перекрытии погребальной камеры размещены попарно 4 лошади, они располагались мордами друг к другу, ногами в противоположные стороны. В погребении 19 на перекрытии также находилось две пары коней: одна пара размещалась вдоль ямы ногами друг к другу, головами на Ю, другая – в противоположной половине ямы, головами на В. В заполнении погребения 26 вдоль стенок располагались скелеты двух коней, лежавших на боку, ногами к середине могилы и черепами на ЮЗ. В погребении 29 на перекрытии размеще-

ны две туши коней головами к СЗ, ногами друг к другу [9. С. 113, 119–121, 123–125, 127–128, 135, 144, 149, 162–163, 167, 180–181, 183, 200, 207].

Захоронения одной или нескольких пар целых туш коней на перекрытии погребальной камеры отчетливо противопоставлены находкам лошадей на дне могильных ям. Кости коней на дне могильных ям, как правило, представлены ритуальными комплексами, состоящими из черепов и костей ног. В ряде случаев на черепках или рядом с ними обнаружены псалии. В некоторых погребениях на дне ямы сохранились также канавки для установки колес от колесницы. С определенной долей вероятности можно предположить, что парные захоронения целых костяков лошадей на перекрытии и ритуальные комплексы из черепов и костей ног этих животных на дне могил являются следами двух разных ритуалов, входящих в погребальный цикл. Это подтверждается материалами ряда погребений, в которых зафиксированы следы обоих ритуалов. Так, в погребении 4 на перекрытии размещались четыре туши коней, а на дне ямы в северной половине зафиксированы два параллельных углубления для колес, в южной – два черепа лошадей. В погребении 5 на перекрытии размещалось попарно шесть туш коней, а на дне в северной половине ямы обнаружены два параллельных углубления для колес, в южной – кости ног и два черепа, на которых сохранились остатки уздечки с костяными псалиями и застежками [Там же. С. 125–126, 132–135]. Есть погребения, в которых зафиксированы следы лишь одного из двух ритуалов. В погребениях 2, 3, 10, 26, 29 обнаружены только следы ритуала, связанного с захоронением целых туш лошадей на перекрытии или в верхнем заполнении ямы; в погребениях 6, 11, 30 – только следы ритуала, включающего установку частей колесницы (колес) и помещение упряжных коней в виде комплексов из черепов и костей ног на дно могильной ямы.

Вероятно, эти два ритуала отличались как по сценарию, так и по времени отправления. Один из них, следы которого фиксируются на дне могильной ямы, связан с разделением целого на части, другой, следы которого прослеживаются на перекрытии могилы, связан с захоронением целых конских костяков. Обратимся к рассмотрению первого из них.

Ритуал, следы которого представлены на дне могильных ям, мог варьировать. Наиболее полный его вариант представлен в погребении 30. В этом погребении у юго-западной стенки по углам находилось по конскому черепу (рядом с одним – пара костяных псалиев) и возле каждого из них – кости четырех ног. У северо-восточной стенки зафиксированы два параллельных канавообразных углубления, в которых сохранились отпечатки ободьев и спиц от колес. В юго-западной половине ямы в кучу были сложены кости человека. Такое состояние их было уже во время захоронения: все кости целые, но тазовые отчленены от крестца, нижняя челюсть отделена от черепа и т.д. Череп был уложен в юго-западной стороне скопления. Рядом с черепом человека лежал бронзовый нож. У середины юго-западной стенки, в головах

погребенного был поставлен сосуд, а рядом с ним – два крупных камня зеленого цвета (по мнению авторов, этот комплекс связан с культом Сомы). Под костями коня у юго-восточной стенки располагалась ямка-тайник, на дне которой лежал бронзовый наконечник копья, а на его кости ног был положен колчан, в котором находились 11 кремневых и 2 костяных наконечника стрел [9. С. 208–214]. Таким образом, в погребении 30 в наиболее полном виде представлен колесничный комплекс. Исследователями предложена следующая реконструкция ритуала: около левого конского черепа положили узду с двумя костяными псалиями. Вероятно, это объясняется тем, что эта лошадь была коренной, управляемой возничим, который стоял в кузове колесницы с левой стороны. Правую сторону занимал колесничий, вооруженный копьем и луком [9. С. 218].

В других погребениях комплект колесничного вооружения представлен как бы в неполном составе. В некоторых погребениях присутствуют лишь черепа и кости ног коней. Так, в погребении 6 в районе ног умершего находились остатки двух конских черепов и костей конечностей. В погребении 11 у северо-западной стороны, в нише между стенкой ямы и погребальной камерой были обнаружены два конских черепа и череп коровы. На одну из лошадиных голов была надета уздечка с псалиями. В этой же нише находился еще один псалий. У южной стенки камеры размещались кости ног коней [9. С. 137, 140, 155, 161]. В других погребениях находят лишь углубления от колес, но присутствие коней как бы подразумевается. Так, в погребении 12 на дне могилы было расчищено пять колесных углублений, но только пара углублений в западной половине камеры содержала тлен от обода и спиц деревянного колеса, а над ними обнаружены разрозненные кости человека, предварительно очищенные от мягких тканей, два сосуда, наконечники стрел и два псалия, вероятно, от уздечки. В погребениях 19, 28 обнаружено по паре колесных углублений, расположенных параллельно друг другу и размещенных в ногах умершего [9. С. 163–167, 180–183, 202–203. Рис. 91, 106]. Независимо от вариативности ритуала (или его сохранности) весь комплекс находок в данных погребениях убедительно воссоздает образ двухколесной колесницы, запряженной парой лошадей.

Характерной чертой ритуала с использованием образа колесницы являются обрядовые действия, включающие разделение целого на части и составление из них новой целостности. Эти ритуальные действия являются отличительной чертой обряда жертвоприношения индоиранских народов. Наиболее ранние письменные свидетельства подобного ритуала жертвоприношения зафиксированы в «Ригведе» (далее РВ), где имеется описание жертвоприношения богами первочеловека Пуруши. В.Н. Топоров, анализируя гимн Пуруше (РВ. Х. 90), отмечает, что в ходе ритуала жертвоприношения совершается переход от изначальной целостности через множественную расчлененность ко вторичной составной целостности [14. С. 217–218]. Важно подчеркнуть, что в этом гимне речь идет не просто о создании основ-

ных элементов космоса, а о творении высшей ценности во Вселенной – мирового (космического) порядка. По тому же сценарию разворачивается обряд жертвоприношения коня – ашвамедха, занимающего одно из центральных мест в ведийской ритуальной практике. Начало древнейшей упанишады Брихадараньяки (1.1.1) содержит знаменитое истолкование ритуала ашвамедхи, где перечислением частей жертвенного коня изображается вся Вселенная, как в пространственном, так и во временном аспекте. Вероятно, составная жертва имела определенные преимущества перед изначальной, она становилась ритуальным воплощением упорядоченной Вселенной. Следовательно, основным недостатком изначальной жертвы являлось то, что она несоставна и, соответственно, непригодна для упорядочения. Поэтому создание составной целостности являлось главной целью ритуала жертвоприношения.

Данные рассуждения имеют непосредственное отношение к интерпретации археологического материала. В рассмотренных погребальных комплексах нашел отражение не весь цикл жертвоприношения, а лишь заключительная фаза – создание «составной» жертвы. Подобные ритуальные действия совершенно очевидны в отношении костяков коней, которые были принесены в жертву, разъяты на части и составлены в новом порядке. Сложнее распространить реконструируемый комплекс ритуальных действий на другой элемент ритуала – колесницу. Учитывая тот факт, что традиция помещения в погребение разобранных повозок или даже их частей, чаще всего колес, восходит еще к ямному и катакомбному периодам, наиболее убедительным представляется мнение тех исследователей, которые считают, что в синташтинские и петровские погребения ставились только части колесниц, преимущественно колеса.

На основании материалов из погребения 30 Синташтинского большого грунтового могильника становится очевидно, что ритуал, связанный с разделением на части и составлением новой целостности, относился не только к коням и колеснице, но и к самому человеку. Кости человека в этом погребении были очищены от мягких тканей и сложены в виде компактного скопления подпрямоугольной формы, причем череп был положен с юго-западной стороны, как в обычных погребениях с труположением [9. С. 210]. В данном случае мы имеем дело со вторичным захоронением, которому предшествовали какие-то ритуальные действия, связанные с нарушением целостности тела умершего, а затем – созданием из разрозненных частей «куклы», которую и поместили в погребение в сопровождении вооружения, характерного для воина-колесничего (бронзовое копье, колчан со стрелами, бронзовый нож, конская узда). Таким образом, материалы погребения 30 свидетельствуют о совершении грандиозного ритуала жертвоприношения, в ходе которого были разъяты на части, а затем составлены из них в новом порядке колесница, пара запряженных коней и сам воин-колесничий. Создается впечатление, что основной целью ритуала было именно создание «образа» воина-колесничего из риту-

ально значимых частей. Для объяснения этого ритуала вполне уместно обратиться к хеттской традиции, так как она сложилась на индоевропейской основе. В одном из ритуальных хеттских текстов противопоставляется два вида повозок: тяжелая четырехколесная, запрягавшаяся быками и предназначавшаяся для перевозки грузов, и легкая двухколесная колесница, запрягавшаяся лошадьми, для военных целей, торжественных церемоний и состязаний. Ритуальное назначение двух типов хеттских повозок проявляется в царских погребальных обрядах. Тяжелая четырехколесная повозка, запряженная быками, служила для перевозки останков умершего к месту сжигания трупов. Легкая колесница, запряженная лошадьми, служила для образа, изображения умершего (иначе говоря, «куклы»). Этот образ подвозили на легкой колеснице к «палатке», снимали с колесницы, вносили в «палатку» и усаживали на золотой престол, после чего совершался обряд жертвоприношения [15. С. 724–726]. Рассматривая данную аналогию, следует сделать некоторую поправку на то, что хеттский погребальный ритуал предусматривал сожжение умершего, тогда как в синташтинском, по-видимому, имело место выставление трупа (кости умерших из погребений 12, 30 были очищены от мягких тканей). В данном случае представляет интерес связь легкой двухколесной колесницы, запряженной конями, именно с изображением, «куклой» умершего, причем наделенного высоким социальным статусом.

Помимо захоронения на дне ямы расчлененных наборов колесницы, коней и колесничего, синташтинский погребальный ритуал включал и захоронения от одной до трех пар целых костяков коней на перекрытии или в верхней части заполнения камеры. Наличие целых костяков коней, захороненных без уздечного набора, заставляет предполагать несколько иной сценарий и направленность ритуала.

Конные состязания на похоронах были достаточно распространенным явлением в среде индоиранского населения [16. С. 12–47]. Причем эти состязания были именно ритуалом, а не развлечением или спортивным соревнованием, а его участники являлись прежде всего исполнителями ритуала, своего рода жрецами, а жертвой богам была победа в состязании. Наиболее известным текстом, описывающим похоронный обряд, в состав которого входят конные состязания на колесницах, является 23-я песнь «Илиады». В ней описываются похороны Патрокла, кстати, искусного колесничего. Прежде всего, для нас важна последовательность действий в этом погребальном ритуале, которая выглядит следующим образом: сооружение ритуального костра, возложение тела Патрокла, жертвоприношения, возжигание огня и сожжение трупа, собирание кремированных костей, захоронение их в могиле, сооружение кургана, а затем состязания – колесничные ристания, кулачный бой и другие, включая метание и стрельбу из лука. Иначе говоря, состязания следуют за погребением останков. Кроме того, при описании состязаний именно колесничным ристаниям уделено основное внимание,

другие виды соревнований даны короче и менее конкретно. Опираясь на «Илиаду», можно предположить, что синташтинское население также практиковало состязания двухконных колесниц на похоронах воинов. Вероятно, кони, запряженные в те колесницы, которые одержали победу в состязаниях, приносились в жертву. Именно так можно объяснить парное расположение целых костяков коней на перекрытии могильных ям. Учитывая, что полный набор вооружения воина-колесничего, захороненного в погребении 30, включал копье и колчан со стрелами, можно допустить, что помимо колесничных ристаний синташтинский ритуал включал метание копья и стрельбу из лука как своеобразное троеборье.

Среди колесничного инвентаря погребения 30 присутствует также комплекс, связанный, по мнению авторов, с культом Сомы. Этот комплекс располагался в головах погребенного у середины юго-западной стенки могильной ямы. Он был представлен крупным сосудом и двумя камнями зеленого цвета: крупный камень являлся основанием давилки, а пестообразный – толкушкой. Подобные комплексы есть и в других погребениях этого могильника [9. С. 208, 214]. Свидетельством того, что появление в погребениях колесничих следов культа, связанного со священным напитком не случайно, является расположение вещей в погребении 1 кургана 2 синташтинского могильника Кривое озеро. При зачистке дна у восточной стенки камеры были выявлены два продолговатых пятна, размещенных параллельно друг другу вдоль длинных стен ямы. Края углублений отстоят друг от друга на расстоянии 1,1 м. Н.Б. Виноградов считает, что это углубления для установки колес. Между этими углублениями, почти на равном расстоянии от каждого, на дне обнаружены стоящий вверх дном сосуд и бронзовый наконечник копья, направленный острием на восток. Эти вещи находились в непопеченном состоянии. В западной части ямы найден роговой псалий, в заполнении ямы встречались мелкие кости лошади [10. С. 67]. В расположении находок из этого погребения важным представляется то, что перевернутый ритуальный сосуд и наконечник копья являются как бы центром композиции, включающей следы от установленных колес. По мнению Н.Б. Виноградова, сосуд, имеющий небольшое и слегка выпуклое дно, не использовался в быту, а был специально изготовлен для ритуала [Там же]. Переворачивание сосуда в ритуале могло быть связано с культом ритуального напитка типа Сомы [17. С. 25–31]. Безусловно, комплексы, связанные с культом священного напитка, более уместны в погребении жреца, а не воина, поэтому на интерпретации этих находок следует остановиться особо.

Для выяснения смысла подобных ритуальных действий обратимся к «Ригведе» и мифологической традиции ведийских ариев. В ведийской мифологии воинскую функцию воплощает бог Индра, причем он именно воин-колесничий, среди его постоянных эпитетов – «стоящий на колеснице», «убийца Вритры», но в то же время «пьющий Сому», «растущий», «усиливающийся» [18. Т. 1. С. 533]. По текстам «Ригведы» реконструиру-

ется сюжет принесения орлом божественного напитка Сомы для Индры, благодаря чему он смог победить Вритру (РВ IV.18). Причем воинский подвиг Индры имеет космогоническое истолкование. Т.Я. Елизаренкова со ссылкой на Т. Оберлиса отмечает, что для Индры сила и мощь не являются врожденными, они возникают в нем, когда он напьется Сомы. От Сомы он возрастет и усиливается и в нем возникает также желание щедро одаривать. Отсюда тесная связь Индры с людьми, выжимающими для него Сому [19. С. 340]. Ритуалам, связанным с приготовлением Сомы, посвящена практически вся мандала IX. Однако реальные обрядовые действия имеют в гимнах образное выражение, тексты просто перегружены образами, что затрудняет понимание. Чтобы понять эту образность, необходимо представить реальный процесс приготовления напитка. Т.Я. Елизаренкова так реконструирует этот процесс: стебли Сомы замачивали в воде, они набухали, из них выжимали сок давилочными камнями, затем он очищался через цедилку и смешивался с добавлениями (водой, коровьим молоком, кислым молоком, взбитым ячменным зерном). После смешения с добавлениями Сома становится вкусным и его пьют боги (Индра прежде всего) и люди.

Воздействие Сомы на того, кто его вкусил, передается глаголом *mad-* «приходить (приводить) в радостное возбуждение», «опьянять(ся)», «воодушевлять(ся)». Причем, как отмечал Гельднер, «если переводить это как “опьянять”, то этим слишком много сказано, а если “воодушевлять”, то слишком мало» [Там же. С. 326, 328]. Еще один глагол, выражающий воздействие Сомы, – это *vrdh-* «увеличивать(ся)», «возрастать», «усиливать(ся)». Как считает Т.Я. Елизаренкова, вкушающий Сому испытывал радостное возбуждение, прилив физических сил [Там же. С. 326, 328, 349]. Поэтому появление в синташтинских воинских захоронениях комплексов, связанных с культом Сомы (сосуды и давилочные камни), вполне объяснимо. Безусловно, сами воины не принимали участия в изготовлении ритуального напитка, для этого были служители культа. Однако воины-колесничие были, вероятно, основными его потребителями. С определенной долей осторожности можно предположить, что культ бодрящего напитка, дающего прилив физических сил, зародился именно в «колесничных» культурах (типа синташтинской, петровской), как средство добывания победы в состязаниях и, возможно, в реальных военных действиях.

Одним из подтверждений того, что культ ритуального напитка типа Сомы мог возникнуть именно в «конных», «колесничных» культурах, свидетельствуют те образы, в которых описывается ритуал приготовления Сомы в «Ригведе». Например, в гимнах, обращенных к Соме, потоки сока, бегущие при выжимании растения или прохождении его через цедилку из овечьей шерсти, образно описываются как состязания конных колесниц. Чаще всего Сома – это конь или кони, запряженные в колесницу и стремительно мчащиеся к финишу на состязании: «Словно скакуны, погоняемые погонщиками, / Они устремились к захвату добычи / Через сито из овечьей шерсти, (эти) быстрые (кони)» (РВ IX. 13. 6); «Сок, словно ска-

кун, устремившийся к награде, / Громко ржет в цецилке, / Когда он потек сквозь (нее), преданный богам» (РВ IX. 43. 5); «Он проскочил через цецилку, / Как конь, приносящий награду на бегах, – через дышло. / Сок правит богам» (РВ IX. 45. 4); «Выжатый, буланый (конь) – стебель (сомы) / Понесся кругами по цецилке, словно колесница, посланная за добычей» (РВ IX. 92. 1). В других случаях Сома – это быстрая колесница, участвующая в ристалище: «Вот эта мужественная колесница / Мчится сквозь овечью шерсть, / Направляясь к тысячной награде» (РВ IX. 38. 1); «Эти быстрые соки сомы, / Словно колесницы, приносящие награду, / Были посланы вперед, (как) выпущенные стада» (РВ IX. 22. 1); «Вперед выступили соки сомы ради богатства, / Словно грохочущие колесницы, / Словно скакуны, ищущие славы, / Погоняемые, словно колесницы, / Они помчались из-под рук (жреца), / Подобные наградам тех, кто решает исход» (РВ IX. 10. 1–2). Наконец, Сома – это правящий конем колесничий: «Этот возница, непобедимый в водах, / Начинаясь между двух рук (жреца), Сома усаживается в чанах» (РВ IX. 20. 6); «С пониманием силы действия мы следовали / За колесничим, рядящимся в воды...» (РВ IX. 16. 2).

Целью конных состязаний было добывание победы, а приносящим ее был именно сок Сомы, который, вероятно, употребляли участники соревнований, чтобы достичь успеха. Поэтому сок Сомы предстает в тексте «Ригведы», прежде всего, как «завоеватель награды»

(РВ IX. 21. 7; IX. 64. 29; IX. 80. 2; IX. 87. 4), «приносящий награду» (РВ IX. 22. 1), «выигрывающий ставку» (РВ IX. 62. 18), «приносящий великую ставку (в игре)» (РВ IX. 16. 5). Причем эта награда завоевывается для предков: «Как для предков – неустанный покоритель сотен, / покоритель тысяч – ты добивался награды, о сок, / Так очищайся для новой удачи!» (РВ IX. 82. 5).

В связи с жертвоприношением коней, победивших на состязаниях колесниц, представляют интерес строки гимна, обращенного к Соме (РВ IX. 87. 1): «Бегай же кругами по сосуду, усаживайся! / Теки к награде, очищаемый мужами! / Тебя начищают, как коня, приносящего награду, / На поводьях ведут к жертвенной соломе». Эти строки допускают следующее толкование: конь, победивший в состязании, приносился в жертву, так как богам посвящалось самое лучшее.

Подобные состязания устраивались не только на похоронах, но и на стыке Старого и Нового года. Например, у ведийских ариев существовал обряд обновления царской власти ваджапея, который представлял собой воинский ритуал с состязаниями и гонками на колесницах, питьем Сомы, жертвоприношением животных. Причем в гонках на колесницах всегда выигрывала упряжка царя [20. С. 168; 21. С. 105]. Победа была даром богам, от которых ждали ответного дара, прежде всего восстановления космического порядка, нарушенного вторжением сил хаоса и смерти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елизаренкова Т.А., Топоров В.Н. Мир вещей по данным Ригведы // Ригведа. Мандалы V–VIII. М., 1999. С. 487–525.
2. Ляшко С.Н. Колесный транспорт Северного Причерноморья в III – первой половине II тыс. до н.э. // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности : тез. докл. Всесоюз. семинара. Запорожье, 1990. С. 43–44.
3. Иванова С.В., Цимиданов В.В. О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культурно-исторической общности // Археологический альманах. Донецк, 1993. № 2. С. 23–34.
4. Кузин-Лосев В.И. К проблеме происхождения повозок в Приуралье в начале поздней бронзы // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград, 1996. С. 82–87.
5. Кузьмина Е.Е. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сборник. М., 1986. Вып. IV. С. 169–228.
6. Алексеева И.Л. Трансформация идеологических представлений древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья как результат контактов в IV–III тыс. до н.э. // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. Киев, 1991.
7. Чердниченко Н.Н., Пустовалов С.Ж. К вопросу о боевых колесницах и колесничих в обществе катакомбной культуры // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе : тез. докл. науч.-практ. семинара. Донецк, 1989. С. 104–106.
8. Чердниченко Н.Н., Пустовалов С.Ж. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье) // Советская археология. 1991. № 4. С. 206–216.
9. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992. 408 с.
10. Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003. 362 с.
11. Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995. С. 156–207.
12. Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // Археологические вести. 1992. № 1. С. 52–63.
13. Бороффка Н. Некоторые культурные и социальные взаимосвязи в бронзовом веке Евразии // Комплексные общества Центральной Евразии в III–II тыс. до н.э. Челябинск-Аркаим, 1999. С. 80–81.
14. Топоров В.Н. О двух типах древнеиндийских текстов, трактующих отношение целостности-расчлененности и спасения // Переднеазиатский сборник. М., 1979. Вып. III. С. 215–228.
15. Гамкрелидзе В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. 1329 с.
16. Топоров В.Н. Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 12–47.
17. Сотникова С.В. О символике перевернутого сосуда и его роли в андроновском ритуале // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2006. Вып. 2. С. 25–31.
18. Топоров В.Н. Индра // Мифы народов мира. М., 1997. Т. 1. С. 533–535.
19. Елизаренкова Т.А. О Соме в Ригведе // Ригведа. Мандалы IX–X. М., 1999. С. 323–353.
20. Альбедиль М.Ф. Игровое начало в индуизме // Игра и игровое начало в культуре народов мира. СПб., 2005. С. 155–170.
21. Васильков Я. Ваджапея // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм : словарь. М., 1996. С. 105.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 января 2013 г.

THE IMAGE OF CHARIOT AND CHARIOTEER IN THE RITUAL PRACTICE OF THE POPULATION OF THE EURASIAN STEPPES IN THE BRONZE AGE: THE EXPERIENCE OF RECONSTRUCTING THE RITUAL AND BELIEFS

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 102-108. DOI: 10.17223/15617793/380/15

Sotnikova Svetlana V. Tobolsk State Social and Pedagogical Academy (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: svetlanasotnik@mail.ru

Keywords: Bronze Age; Sintashta-type sites; ritual; chariot; sacrifice.

In the Bronze Age in the Eurasian steppes there were several cultural and historical communities (Yamna, Catacomb, Srubna, and Andronovo) at different times, in the burials of which the remains of the carts, chariots and their parts were recorded. Many researchers connect these cultural formations with the Indo-Iranians. The burials of Sintashta culture are of greatest interest where the remains of two-wheeled carts with two horses were found, which the researchers of the burial ground define as battle chariots. The location of the chariot remains and horse skeletons in the Sintashta complexes has its own peculiarities. There are two clearly visible levels of disposition of the finds in the burial pit – at the bottom of the grave and on the covering. The chariot complex in its most complete form is represented at the bottom of the 30th Sintashta big burial ground. In one half at the bottom of the grave there were two fixed parallel grooves for the wheels, probably from the disassembled chariot, in the other half – two sets of skulls and leg bones of horses were placed in a specific order, in one of which cheek-pieces were found. Close to it there were human bones buried separated from tissues and laid in a compact cluster. Besides, a bronze dagger, a spear-head, the remains of a quiver with flint arrow-heads as well as a vessel with two big stones next to it were placed in the grave. Such complexes consisting of separated parts and composed in a certain order of chariots, charioteers and horses were probably the evidence of death as a sacrifice, similar to the Vedic rituals of ashvamedha and purushamedha. These rituals were aimed at the renewal of the world, revival or creation of a new life. There was another ritual, the traces of which can be seen on the covering of the grave. The sacrificial complexes consisting of 1-3 pairs of the whole horse skeletons are presented here. Based on the texts of *Rigveda* and the 23rd song of *The Iliad*, one can assume that these complexes were associated with the chariot competitions at the funerals. Such competitions were probably one of the characteristics of the Indo-Iranian burial rite. The finds of items in the graves of warriors-charioteers associated with the cult of Soma (vessel, spinning stones) let us suppose that the use of such a ritual drink as Soma by the participants of the events played an important role in the victory. The victory in competitions was dedicated to the gods, so the winning horses could be a sacrifice. In return, as a gift of the gods they expected the restoration of the cosmic order violated by the invasion of chaos and death.

REFERENCES

1. Elizarenkova T.A., Toporov V.N. Mir veshchey po dannym Rigvedy. Rigveda. Mandaly V–VIII. M., 1999. P. 487-525.
2. Lyashko S.N. Kolesnyy transport Severnogo Prichernomor'ya v III – pervoy polovine II tys. do n.e. *Problemy izucheniya katakombnoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti* : tez. dokl. Vsesoyuz. seminar. Zaporozh'e, 1990. P. 43-44.
3. Ivanova S.V., Tsimidanov V.V. O sotsiologicheskoy interpretatsii pogrebeniy s povozkami yamnoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti. *Arkheologicheskii al'manakh*. Donetsk, 1993. No. 2. P. 23-34.
4. Kuzin-Losev V.I. K probleme proiskhozhdeniya povozok v Priural'e v nachale pozdney bronzy. *Drevnosti Volgo-Donskikh stepey v sisteme vostochno-evropeyskogo bronzovogo veka*. Volgograd, 1996. P. 82-87.
5. Kuz'mina E.E. O nekotorykh arkheologicheskikh aspektakh problemy proiskhozhdeniya indoirantsev. *Peredneaziatskiy sbornik*. M., 1986. Vyp. IV. P. 169-228.
6. Alekseeva I.L. Transformatsiya ideologicheskikh predstavleniy drevneyshikh zemledel'tsev i skotovodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya ka rezul'tat kontaktov v IV–III tys. do n.e. Severo-Zapadnoe Prichernomor'e – kontaktnaya zona drevnikh kul'tur. Kiev, 1991.
7. Cherednichenko N.N., Pustovalov S.Zh. K voprosu o boevykh kolesnitsakh i kolesnichikh v obshchestve katakombnoy kul'tury. *Problemy okhrany i issledovaniya pamyatnikov arkheologii v Donbasse* : tez. dokl. nauch.-prakt. seminar. Donetsk, 1989. P. 104-106.
8. Cherednichenko N.N., Pustovalov S.Zh. Boevye kolesnitsy i kolesnichie v obshchestve katakombnoy kul'tury (po materialam raskopok v Nizhnem Podneprov'e). *Sovetskaya arkheologiya*. 1991. No. 4. P. 206-216.
9. Gening V.F., Zdanovich G.B., Gening V.V. Sintashta: Arkheologicheskie pamyatniki ariyskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepey. Chelyabinsk, 1992. 408 p.
10. Vinogradov N.B. Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe ozero v Yuzhnom Zaural'e. Chelyabinsk, 2003. 362 p.
11. Kostyukov V.P., Epimakhov A.V., Nelin D.V. Novyy pamyatnik sredney bronzy v Yuzhnom Zaural'e. *Drevnie indoiranskie kul'tury Volgo-Ural'ya* (II tys. do n.e.). Samara, 1995. P. 156-207.
12. Vasil'ev I.B., Kuznetsov P.F., Semenova A.P. Pogrebeniya znati epokhi bronzy v Srednem Povolzh'e. *Arkheologicheskie vesti*. 1992. No. 1. P. 52-63.
13. Boroffka N. Nekotorye kul'turnye i sotsial'nye vzaimosvyazi v bronzovom veke Evrazii. Kompleksnye obshchestva Tsentral'noy Evrazii v III–II tys. do n.e. Chelyabinsk-Arkaim, 1999. P. 80-81.
14. Toporov V.N. O dvukh tipakh drevneindiyskikh tekstov, traktuyushchikh otnoshenie tselostnosti-raschlenennosti i spaseniya. *Peredneaziatskiy sbornik*. M., 1979. Vyp. III. P. 215-228.
15. Gamkrelidze V., Ivanov V.V. Indoevropeyskiy yazyk i indoevropeytsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskii analiz prayazyka i protokul'tury. Tbilisi, 1984. 1329 p.
16. Toporov V.N. Konnye sostyazaniya na pokhoronakh. Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kul'tury. Pogrebal'nyy obryad. M., 1990. P. 12-47.
17. Sotnikova S.V. O simvolike perevernutogo sosuda i ego roli v andronovskom rituale. Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy. Barnaul, 2006. Vyp. 2. P. 25-31.
18. Toporov V.N. Indra. Mify narodov mira. M., 1997. V. 1. P. 533-535.
19. Elizarenkova T.Ya. O Some v Rigvede. Rigveda. Mandaly IX–X. M., 1999. P. 323-353.
20. Al'bedil' M.F. Igrovoe nachalo v induizme. Igra i igrovoe nachalo v kul'ture narodov mira. SPb., 2005. P. 155-170.
21. Vasil'kov Ya. Vadhapeya // Induizm. Dzhaynizm. Sikkhizm : slovar'. M., 1996. P. 105.